Френсис Скотт Фицджеральд

Сумасшедшее воскресенье

Часть сборника
Загадочная история Бенджамина Баттона (сборник)

Сумасшедшее воскресенье

Френсис Скотт Кэй Фицджеральд

Аннотация
Френсис Скотт Фицджеральд. Сумасшедшее воскресенье
I
II
III
IV
V

Аннотация

«…Джоэл Коулз писал сценарии. Ему было двадцать восемь лет, и Голливуд еще не сломил его. Все эти полгода, с тех пор как он сюда приехал, он получал удачные по здешним понятиям заказы и с увлечением разрабатывал эпизоды и сочинял диалоги. Он скромно именовал себя поденщиком, хотя на самом деле думал иначе. Мать Джоэла была известной актрисой, и все его детство прошло между Лондоном и Нью-Йорком в попытках понять, где подлинная жизнь, а где игра, или хотя бы не слишком в этом путаться. Он был красивый, с томными карими глазами – те же глаза смотрели в 1913 году на бродвейскую публику с лица его матери…»

Книга также выходила под названием «Безумное воскресенье».

Френсис Скотт Фицджеральд
Сумасшедшее воскресенье

I

Воскресенье. Не день, а лишь узкий просвет между двумя обычными днями. Позади съемочные площадки и дубли, долгое ожидание под микрофонным журавлем, сотни миль за день во все концы Калифорнии на автомобилях, состязания в изобретательности и остроумии в студийных кабинетах, уступки и компромиссы, атаки и отступления, — тяжкая битва множества человеческих личностей, битва не на жизнь, а на смерть. Но вот воскресенье, и снова вступает в свои права личная жизнь, и загораются блеском глаза, еще накануне подернутые тусклой пеленой монотонности. Томительно тянутся последние часы будней, и медленно, будто заводные куклы в игрушечной лавке, оживают люди: в углу о чем-то увлеченно сговариваются, влюбленные ускользают в коридор целоваться, и у всех одно ощущение: «Скорей, скорей. Еще не поздно, но, ради бога, торопитесь, ведь не успеешь оглянуться, и они кончатся, эти благословенные сорок часов отдыха!»

Джоэл Коулз писал сценарии. Ему было два-

дцать восемь лет, и Голливуд еще не сломил его. Все эти полгода, с тех пор как он сюда приехал, он получал удачные по здешним понятиям заказы и с увлечением разрабатывал эпизоды и сочинял диалоги. Он скромно именовал себя поденщиком, хотя на самом деле думал иначе. Мать Джоэла была известной актрисой, и все его детство прошло между Лондоном и Нью-Йорком в попытках понять, где подлинная жизнь, а где игра, или хотя бы не слишком в этом путаться. Он был красивый, с томными карими глазами — те же глаза смотрели в 1913 году на бродвейскую публику с лица его матери.

Получив утром приглашение, Джоэл окончательно убедился, что кое-чего уже достиг. Обычно по воскресеньям он никуда не ходил, не пил и брал работу домой. Недавно ему дали пьесу Юджина О'Нила — фильм ставился для очень знаменитой актрисы. Все, что он делал до сих пор, нравилось Майлзу Кэлмену, а Майлз Кэлмен был единственный режиссер на студии, у которого никто не стоял над душой, он отчитывался непосредственно перед теми, кто финансировал фильм. В карьере Джоэла все шло как надо. («Говорит секретарь мистера Кэлмена. Он приглашает вас в воскресенье на чашку чая, от четырех

до шести… Беверли-Хиллз, дом номер…)

Джоэл был польщен. Изысканный светский прием. Его признали многообещающим молодым человеком. Дом, где бывают большие люди, приятели Мэрион Дэвис; быть может, придут даже Дитрих, Гарбо и Маркиза, а их встретить не так-то просто.

«Пить не буду», — заверил себя Джоул. Кэлмен не терпит пьяниц, о чем заявляет во всеуслышание, сожалея, что кинопромышленность не может без них обойтись.

Кэлмен прав: сценаристы пьют слишком много. Вот и он сам… Но сегодня — ни капли. Хорошо бы Майлз оказался где-нибудь рядом, когда подадут коктейли, и услышал его скромное и краткое: «Спасибо, не пью».

Дом Майлза Кэлмена был создан для высоких прозрений — казалось, он сосредоточенно внимает, словно тишина его анфилад прятала невидимых слушателей, но в этот день здесь было полно народу, будто гостей не пригласили, а пригнали сюда целой толпой. И кроме него всего два сценариста, с гордостью отметил Джоэл: титулованный англичанин и, как ни странно, Нат Кьоу, хотя именно он и послужил поводом для раздраженного замечания Кэлмена о пья-

ницах.

Стелла Кэлмен (она же знаменитая Стелла Уокер), поздоровавшись с Джоэлом, не отошла к другим гостям. Она медлила — она была так очаровательна, что это требовало признания, и Джоэл положился на свой актерский дар, унаследованный от матери.

— Вам же шестнадцать лет, не больше! Где ваш педальный автомобильчик?

Ей это явно понравилось — она все медлила. Джоэл почувствовал, что должен сказать еще что-то, дружески и просто — он познакомился со Стеллой в Нью-Йорке несколько лет назад, когда она билась за самые маленькие роли. Тут появился поднос с коктейлями, и Стелла протянула ему бокал.

— Все боятся, верно? — сказал он, рассеянно взглянув на бокал. — Все следят друг за другом, не совершит ли кто-нибудь промах, или прикидывают, с тем ли человеком говорят, будет ли от этого польза… К вашему дому это, конечно, не относится, — спохватился он. — Я говорю вообще о Голливуде.

Стелла согласилась. Она представила Джоэлу нескольких гостей, словно он был важной персоной. Убедившись, что Майлз далеко, Джоэл

выпил коктейль.

— Значит, у вас уже малыш, — сказал он. — Тогда берегитесь. Хорошенькая женщина после первого ребенка оказывается в очень уязвимом положении. Ей надо увериться, что она все так же пленительна. И только преданное поклонение какого-нибудь нового мужчины может доказать ей, что ничего не изменилось.

— Мне еще никто никогда преданно не поклонялся, — не без сожаления сказала Стелла.

— Просто все боятся вашего мужа.

— Вы так считаете? — Наморщив лоб, она задумалась над его словами, но тут их прервали — в самый подходящий момент, решил Джоэл.

Благосклонность Стеллы вселила в него уверенность. Нет, не его удел пристраиваться к тихим группкам или искать приют под крылышком знакомых.

Он подошел к окну и стал смотреть на Тихий океан, белесый в ленивых лучах заката. Хорошо здесь — американская Ривьера и все такое прочее, жаль только, некогда всем этим наслаждаться. Красивые, элегантные люди вокруг, прелестные девушки и… прелестные девушки. Нельзя же иметь все на свете!

Юное мальчишеское лицо Стеллы мелькало

среди гостей, одно веко было устало приспущено, и Джоэлу захотелось сесть с ней рядом и завести долгий задушевный разговор, просто так, забыв о ее громком имени. Он следил за ней, проверяя, уделит ли она кому-нибудь столько же внимания, как ему. И выпил второй коктейль, но не потому, что хотел придать себе уверенности, а потому, что после разговора со Стеллей уверенности у него было хоть отбавляй. Он подсел к матери хозяина дома.

— Ваш сын, миссис Кэлмен, стал живой легендой. Непогрешимый оракул, избранник судьбы! Лично я бунтую, но я в меньшинстве. А что думаете вы? Вы удивлены? Вас поражает, сколь многого он достиг?

— Ничуть, — спокойно ответила она. — Мы всегда возлагали на Майлза большие надежды.

— А знаете, это необычно, — заметил Джоэл. — Мне казалось, что все матери похожи на мать Наполеона. Моя, например, не хотела, чтобы я имел хоть какое-то отношение к зрелищам. Она хотела, чтобы я поступил в Вест-Пойнт, вот надежное поприще.

— Мы всегда верили в Майлза…

В столовой, у стенного бара, он поболтал с добродушным, вечно пьяным и высокооплачи-

ваемым Натом Кьоу.

— За год я заработал сто тысяч и сорок проиграл, так что пришлось мне взять управляющего.

— Вы имеете в виду — агента? — подсказал Джоэл.

— Да нет, агент у меня тоже есть. Управляющего. Я все отдаю жене, а она совещается с ним, и они выдают мне деньги на расходы. Я плачу ему пять тысяч в год, чтобы он выдавал мне мои же деньги.

— Ваш агент?

— Да нет же, управляющий! И я не один такой — у него большая клиентура среди безответственных людей.

— Но хватило же у вас ответственности нанять управляющего!

— Я безответствен, когда играю. Дело в том…

В гостиной запел певец; Джоэл и Нат вместе с другими гостями пошли туда.

II

Пение доносилось словно издалека; Джоэл был полон счастья и дружеского расположения ко всем собравшимся здесь людям — таким трудолюбивым и мужественным, не в пример дельцам-буржуа, которые если и опередили их, так только в невежестве и разврате, — людям, добившимся самого высокого положения в стране, вот уже целое десятилетие жаждавшей лишь одного — развлечений. Они ему нравились, он их любил. Теплые волны доброжелательства накатывали на него одна за другой.

Певец умолк, гости начали подходить к хозяйке прощаться, и вдруг Джоэла осенило. Сейчас он им представит «Заварим погуще» — свой коронный номер, который уже имел успех на нескольких вечерах и, наверное, понравится Стелле Уокер. Он бросился к ней, и кровь застучала у него в висках: сейчас он покажет всем, на что он способен!

— Ну конечно! Непременно! — воскликнула она. — Вам что-нибудь понадобится?

— Кто-то должен сыграть секретаршу — я ей диктую.

— Я сыграю!

Гости, уже надевавшие пальто в передней, потянулись обратно, на Джоэла со всех сторон воззрились чужие люди. Ему стало не по себе: он вдруг сообразил, что певец был знаменитость, радиозвезда. Но кто-то сказал: «Шш!» — и они со Стеллой очутились в центре зловещего полукруга, как на индейском празднестве. Стелла выжидательно улыбнулась, и он начал…

Сценка строилась на пробелах в образовании мистера Дэйва Силверстина, независимого продюсера; Джоэл изображал, как тот диктует указания сценаристу, в каком духе следует обработать роман, который он купил для экранизации.

— …подкинем туда развод, молодую пару и чуток подперчим, — слышал он свой голос, подражающий интонациям Силверстина. — Ну, к примеру, он после развода да в Африку, в Иностранный легион. Заварим погуще, ясно?

Тут его кольнуло сомнение. Мягко освещенные лица вокруг смотрели на него внимательно и не без любопытства, но ни тени улыбки, ни у кого. Холодными рыбьими глазами уставился на Джоэла Великий Любовник экрана, который стоял прямо напротив. И только Стелла Уокер

глядела на него все с той же сияющей улыбкой.

— …того, что постарше, дать под Менжу, только чтоб антураж, как в Гонолулу, и таким манером получаем Майкла Арлена…

Первые ряды неподвижны, но сзади шорох и заметное движение влево, к двери.

— …Тут она ему — у меня, мол, к тебе сексапил. А он как вскинется — катись, говорит, отсюда подальше.

Один раз он услышал, как фыркнул Нат Кьоу, на двух-трех лицах мелькнула улыбка, но когда он кончил, то с ужасающей ясностью понял, что выставил себя дураком перед столпами мира кино, от которых зависит его карьера.

Еще мгновение мучительной, неловкой тишины, затем гости направились к дверям. Он уловил насмешку в поднявшемся шуме голосов, потом — все это за какие-то десять секунд! — Первый Любовник с пустыми, стеклянными глазами громко сказал: «Мура», выразив, как показалось Джоэлу, общее настроение. Это было презрение профессионалов к любителю, сплоченной общины к чужаку, безжалостный приговор клана.

Только Стелла Уокер все еще стояла рядом и благодарила его так горячо, будто он всех привел в восторг, будто она и не заметила, что скетч

никому не понравился. Нат Кьоу помог ему надеть пальто, и тут Джоэла захлестнула волна отвращения к себе, и он едва не нарушил свое правило таить обиды про себя, пока они не утихнут.

— Провалился, — весело сказал он Стелле. — Ну и пусть. Отличный номер, когда хорошо принимают. Спасибо вам за помощь.

Она по-прежнему улыбалась, он склонился в пьяном поклоне, и Нат потянул его к двери…

Поданный завтрак вернул Джоэла из тумана снов в расколотый вдребезги мир. Вчера еще он был самим собой, ярким факелом, готовым озарить киномир, а сегодня погребен под катастрофической неудачей — он один против этих холодных физиономий, против презрения каждого и глумления всех! Хуже того, для Майлза Кэлмена он стал теперь одним из тех жалких пьяниц, работать с которыми для режиссера тяжкий крест. А Стелла Уокер, которая принесла себя в жертву гостеприимству, — о ней он даже боялся думать. Аппетит у него пропал совершенно, он поставил яичницу на телефонный столик и написал:

Дорогой Майлз!

Вы, конечно, понимаете, как я сам себе противен. Каюсь, иной раз на меня находят приступы эксгибиционизма, но в гостях, среди бела дня!

О боже! Приношу глубочайшие извинения вашей супруге.

Всегда ваш

Джоэл Коулз

В студии Джоэл отсиживался в своем кабинетике и вышел только для того, чтобы прокрасться в табачную лавку, словно какой-то воришка. Поведение его было столь подозрительным, что дежурный охранник потребовал у него пропуск. Пообедать он решил в городе, но тут его перехватил Нат Кьоу, беспечный и веселый.

— Да никак вы обрекли себя на вечное заточение? Ну, ошикал вас этот пижон, так что? Хотите, расскажу вам одну историю? — продолжал он, увлекая Джоэла в студийный ресторан. — Как-то на премьере у Граумена этот тип раскланивался перед зрителями, а Джо Сквайерс дал ему коленкой под зад. Тогда этот индюк заявил, что потребует объяснения. Назавтра в восемь утра Джо ему позвонил. Кажется, говорит, вы хотели со мной объясниться. Только ответа Джо

не дождался — тот сразу же положил трубку.

Эта нелепица подбодрила Джоэла, и он стал разглядывать компанию за соседним столиком, находя в этом мрачное утешение: грустные и милые сиамские близнецы, злобные карлики и гордый великан — актеры, занятые в фильме о цирке. Однако, взглянув на другой столик — на хорошеньких женщин, чьи лица сейчас желтели гримом, густо подведенные глаза были печальны, а бальные платья выглядели при свете дня дешевой мишурой, — он поежился: они были вчера у Кэлмена.

— Нет, кончено! — воскликнул он. — Никаких светских приемов отныне и во веки веков.

На следующий день в студии его ждала телеграмма.

Вы были одним из самых приятных наших гостей. Жду вас к ужину в следующее воскресенье у моей сестры Джун.

Стелла Уокер Кэлмен

Кровь бешено застучала у него в висках, он перечитал телеграмму.

«Господи! До чего же это мило с ее стороны!»

III

Снова этот сумасшедший день — воскресенье. Джоэл проспал до одиннадцати, потом проглядел газету, чтобы быть в курсе всех новостей за неделю. Позавтракал он у себя: форель, салат из авокадо, пинта калифорнийского вина. Когда пришло время одеваться, он выбрал костюм в клеточку, голубую рубашку и палевый галстук. От усталости под глазами у него темнели круги. Он подъехал к особняку на Ривьере в своей подержанной машине и только успел представиться сестре Стеллы, как явились Стелла с Майлзом в костюмах для верховой езды — несколько часов подряд они жестоко ссорились на всех дорогах за Беверли-Хиллз.

Майлз Кэлмен — высокий, нервный, блистательно остроумный и с такими скорбными глазами, каких Джоэл не видел ни у кого, был художником от макушки своей странновато слепленной головы до тяжелых нескладных ног. На них он стоял твердо: он не снял ни одного пошлого фильма, хотя иной раз ему приходилось дорого расплачиваться за неудавшийся экспери-

мент — роскошь, которую он мог себе позволить. Он был обаятельным собеседником, но каждому, кто имел с ним дело, вскоре становилось ясно, что человек он больной.

Едва Кэлмены вошли, как день Джоэла нерасторжимо сплелся с их днем. Он направился к собравшемуся возле них кружку, но тут Стелла, раздраженно прищелкнув языком, отошла, а Майлз сказал кому-то рядом:

— Только не упоминайте Еву Гобел, не то дома мне костей не собрать. — Майлз повернулся к Джоэлу: — Я, к сожалению, не сумел заглянуть вчера к вам на студию. Полдня провел у своего психиатра.

— Психоанализ?

— Да, и уже давно. Я обратился к нему по поводу клаустрофобии, а теперь пытаюсь распутать всю свою жизнь. Говорят, на это потребуется не меньше года.

— Но в вашей жизни все прекрасно, — уверил его Джоэл.

— Вы думаете? А вот Стелла так не считает, — с горечью сказал Майлз. — Спросите кого угодно, вам всякий скажет.

Какая-то девица уселась на ручку его кресла, и Джоэл подошел к Стелле, которая потерянно

стояла у камина.

— Спасибо за телеграмму, — сказал он. — Она была как бальзам на душу. Вы такая красивая и такая добрая! Значит, бывают и добрые красавицы.

Она была даже еще красивей в это воскресенье, и, быть может, искреннее восхищение, которое она прочла в его глазах, побудило ее довериться ему — сразу же, немедля, потому что она была на грани истерики.

— …целых два года, а я даже не подозревала. Она ведь считалась моей лучшей подругой, постоянно у нас бывала. В конце концов, когда люди открыли мне глаза, Майлз вынужден был признаться.

Она демонстративно уселась на ручку его кресла. Ее бриджи были того же цвета, что и кресло, а в пышных волосах смешивались рыже-золотые и бледнозолотые пряди — покрасить так невозможно, подумал Джоэл. И никакой косметики на лице. Настоящая красавица…

Стелла все никак не могла прийти в себя от обрушившегося на нее открытия, а тут еще к Майлзу льнула новая девица, и это было невыносимо. Она увела Джоэла в спальню, где они, усевшись на разных концах широкой кровати, продолжали

разговор. Гости по пути в ванную заглядывали к ним и отпускали шуточки, но Стелла, изливая душу, не обращала на них внимания. Немного погодя в дверь просунул голову Майлз.

— Бесполезно пытаться объяснить Джоэлу за полчаса то, чего я сам не понимаю, а доктор сказал, чтобы понять все это, нужно не меньше года.

Стелла продолжала говорить, будто Майлза тут и не было. Она любит Майлза, сказала она, несмотря ни на что, она всегда была ему верна.

— Психоаналитик сказал Майлзу, что у него материнский комплекс. Сначала Майлз перенес его на свою первую жену, и тогда его сексуальные порывы обратились на меня. Но когда он женился на мне, все повторилось: материнский комплекс он перенес на меня, а либидо — на эту женщину.

Джоэл понимал, что, возможно, это вовсе не такой уж бред, и тем не менее… Он был знаком с Евой Гобел — настоящий материнский тип: она и старше и мудрее Стеллы, прелестного балованного ребенка.

Майлз сердито предложил, чтобы Джоэл поехал к ним, раз уж Стелле надо так много ему рассказать, и они поехали в особняк на Беверли-Хиллз.

Там, под высокими потолками, вся история предстала более трагической и благородной. Вечер был светлый и жутковатый, за окнами висел прозрачный сумрак, и золотисто-розовой тенью, с рыданиями, металась по комнате Стелла. Джоэл не очень верил в горе киноактрис. Им предназначено другое: красивые золотисторозовые статуэтки, на какие-то часы они оживают по воле сценаристов и режиссеров, а после съемок шепчутся, и хихикают, и сплетничают обо всем на свете.

Он то слушал Стеллу, то притворялся, будто слушает, а сам любовался, как она одета: бриджи в обтяжку четко обрисовывают линии стройных ног, пастельных тонов итальянский свитер с высоким воротом, коричневая замшевая курточка. Он никак не мог решить, она ли подделка под английскую леди или английские леди — подделка под нее. Она балансировала на самой грани доподлинной подлинности и наглого лицедейства.

— Майлз так меня ревнует, что следит за каждым моим шагом! — с презрением бросила она. — Я написала ему из Нью-Йорка, что ходила в театр с Эдди Бейкером, и он с ума сошел от ревности, звонил мне десять раз на дню.

— Я совсем обезумел. — Майлз засопел, как все-

гда в минуты волнения. — Психиатр тогда целую неделю бился со мной, и все впустую.

Стелла в отчаянии покачала головой.

— А ты ждал, что я три недели буду безвыходно сидеть в номере?

— Ничего я не ждал. Ну да, я ревнив. Я стараюсь не ревновать. Доктор Бриджбейн проводил со мной специальные сеансы, но ничего не вышло. Сегодня я ревновал тебя к Джоэлу, когда ты села на ручку его кресла.

— Ты ревновал?! — вспыхнула Стелла. — Ревновал! А у тебя на ручке кресла никто не сидел? И ты сказал мне за два часа хоть одно слово?

— Но ты была в спальне с Джоэлом. Жаловалась ему.

— Как только я вспомню, что эта женщина… — Стелле, как видно, казалось, что, не произнося имени Евы Гобел, она тем самым вычеркивает ее из реальной жизни, — все время здесь бывала!

— Ну хорошо, хорошо, — устало сказал Майлз. — Я ведь во всем признался, и мне не легче, чем тебе.

Он повернулся к Джоэлу и стал говорить о фильмах, а Стелла, сунув руки в карманы бриджей, беспокойно расхаживала взад и вперед в дальнем конце гостиной.

— Они обошлись с Майлзом возмутительно, — неожиданно вмешалась Стелла, как будто и не было никакого разговора о ее собственных проблемах. — Расскажи Джоэлу, как этот Белтцер хочет перекроить твой фильм.

Глаза Стеллы сверкали негодованием, она склонилась над Майлзом, словно хотела его защитить, — и Джоэл понял, что любит ее. От волнения у него захватило дух, он встал и попрощался.

В понедельник, резким контрастом с воскресными пересудами, сплетнями и семейными драмами, неделя вновь обрела свой рабочий ритм; сценарий без конца резали, переделывали, подгоняли: «К черту этот дурацкий наплыв! Оставим ее голос за кадром и дадим средний план от Белла или общий вид: просто вокзал, а потом камера панорамирует вереницу такси…» К середине дня в понедельник Джоэл уже снова забыл, что людям, поставляющим развлечения, позволено развлекаться самим. Кэлменам он позвонил вечером. Он спросил Майлза, но к телефону подошла Стелла.

— Ну как у вас, полегче?

— Не очень. Что вы делаете в субботу вечером?

— Ничего.

— Перри дают обед, а оттуда поедут в театр.

Майлза не будет — улетает в Саут-Бенд, на матч «Нотр-Дам» — «Калифорния». Вы не могли бы составить мне компанию?

Джоэл ответил не сразу:

— Ну конечно, с удовольствием. Только если затянут совещание, к обеду я не успею, а в театр приду.

— Тогда я скажу, что мы будем.

Положив трубку, Джоэл долго ходил по кабинету. Понравится ли это Майлзу, особенно если иметь в виду, что у них сейчас происходит? Или она не хочет, чтобы Майлз знал? Нет, это невозможно, — если Майлз не заведет разговор о субботе, Джоэл сам ему скажет. Однако целый час, если не больше, он не мог приняться за работу.

В среду в конференц-зале четыре часа шло совещание. Трое мужчин и одна женщина по очереди мерили шагами ковер, предлагая или отвергая — резко или деликатно, уверенно или безнадежно, а над их головами плыли спиралями туманности и созвездия табачного дыма. Когда обсуждение кончилось, Джоэл подошел к Майлзу.

Вот кто действительно устал — не от споров, а просто от жизни: набрякшие веки, синие тени под скулами, где пробивается щетина.

— Говорят, вы летите на матч?

Майлз посмотрел куда-то мимо и покачал головой.

— Я раздумал.

— Отчего же?

— Из-за вас. — Он по-прежнему не смотрел на Джоэла.

— Да господь с вами, Майлз!

— Из-за вас я отказался от поездки. — И он усмехнулся — словно сам над собой. — Попробуй угадай, что натворит Стелла мне назло — она ведь пригласила вас пойти с ней к Перри? Матч не доставит мне никакого удовольствия.

Поразительная интуиция, которая никогда не изменяла ему на съемочной площадке, отказывала в личной жизни, тут он был слаб и беспомощен.

— Послушайте, Майлз, — сказал Джоэл, нахмурившись. — У меня и в мыслях ничего нет и не было. Если вы правда хотите отменить поездку из-за меня, я не пойду со Стеллой к Перри и не буду с ней видеться. Можете мне верить.

Только тут Майлз посмотрел на него. Очень внимательно.

— Допустим. — Он пожал плечами. — Не вы, так найдется кто-то другой. Мне будет не до раз-

влечений.

— Вы, видно, не слишком доверяете Стелле? А она сказала мне, что всегда была вам верна.

— Может, и была. — За последние несколько минут складки вокруг рта у Майлза залегли еще глубже. — Но после того, что случилось, разве я смогу что-то от нее требовать? Разве я имею право… — Он умолк, потом заговорил снова, и лицо его стало жестким. — Скажу вам одно. Что я сам натворил — не важно, но если я узнаю что-нибудь про Стеллу, я с ней разведусь. Не могу я поступиться своей гордостью, это было бы последней каплей.

Джоэла раздражал его тон, но он сказал:

— А как с Евой Гобел? Стелла успокоилась?

— Нет. — Майлз мрачно засопел. — И для меня это тоже не просто.

— Мне казалось, там все кончено…

— Я стараюсь не встречаться с Евой, но, знаете, не так легко порвать сразу — она ведь не девчонка, с которой целуешься в такси. Психиатр говорит…

— Да-да, — перебил Джоэл, — Стелла мне рассказывала. — Излияния Майлза наводили тоску. — Так вот, что касается меня, если вы улетите на матч, я со Стеллой не встречусь. И уверен,

что ее совесть чиста.

— Может быть, может быть, — вяло повторил Майлз… — Тем не менее я остаюсь и иду с ней на обед… А знаете, — вдруг сказал он, — пойдемте и вы с нами! Мне нужно, чтобы рядом был кто-то симпатичный мне, с кем я могу поговорить. В этом ведь и беда: Стелла полностью находится под моим влиянием, и все, кто нравится мне, нравятся и ей тоже. В особенности мужчины. Очень все это сложно.

— Да, должно быть, — согласился Джоэл.

IV

На обед Джоэл не поспел. Стыдясь своего цилиндра в это безвременье, когда кругом было столько безработных, он ждал Перри и их гостей перед Голливудским театром и разглядывал вечерний парад: бездарные копии блестящих кинозвезд, несостоявшиеся киногерои в спортивных пиджаках, шаркающий дервиш с апостольской бородой и посохом, парочка франтоватых филиппинцев в модных костюмах как напоминание о том, что этот штат открыт всем морям, шумная процессия молодежи в причудливых нарядах — как выяснилось, посвящение в какое-то братство. Шествие распалось, пропуская два роскошных лимузина, которые остановились у тротуара.

Вот она! В платье, сотканном из тысячи бледно-голубых бликов — словно в струе студеной воды, а на шее переливаются сосульки. Он порывисто шагнул к ней.

— Ну как? Нравится вам мое платье?

— Где Майлз?

— Он все-таки улетел на матч. Вчера утром… Во всяком случае, надеюсь… — Она не договори-

ла. — Только что пришла телеграмма из Саут-Бенда, что он вылетает обратно. Ах, да — вы знакомы с моими друзьями?

Вся компания направилась в театр.

Значит, Майлз все-таки улетел. Джоэл терзался сомнениями, правильно ли он сделал, что пришел. Но когда начался спектакль, он позабыл о Майлзе — профиль Стеллы и светлая россыпь ее волос были совсем рядом. Один раз он повернулся к ней, и она посмотрела на него, улыбаясь, и не отвела глаз. В антракте они курили в фойе, и она шепнула ему:

— Они все поедут на открытие ночного клуба Джека Джонсона… Мне не хочется, а вам?

— Это обязательно?

— По-моему, нет. — Она замялась. — Мне хотелось бы поговорить с вами. Может быть, поедем к нам? Если бы только я была уверена…

Она снова умолкла, и Джоэл спросил:

— В чем?

— Уверена, что… Ну да, я психопатка, но я вовсе не уверена, что Майлз действительно поехал на матч.

— Вы думаете, он у Евы Гобел?

— Да нет… но что, если он здесь и следит за мной? Знаете, Майлз способен на очень стран-

ные поступки. Как-то он пожелал пить чай с каким-нибудь человеком, у которого длинная борода, и потребовал, чтобы бюро по найму актеров прислало ему такого длиннобородого, а потом пил с ним чай до вечера.

— Ну, это совсем другое. Он же прислал вам телеграмму из Саут-Бенда. Значит, он на матче.

Выйдя из театра, они попрощались со своими спутниками, что было встречено веселыми взглядами. Машина вырулила из толпы, собравшейся вокруг Стеллы, и покатилась по залитой золотым светом улице.

— Он ведь мог договориться об этих телеграммах, — сказала Стелла. — Это очень просто.

Что ж, вполне вероятно, и при мысли, что ее тревога не лишена основания, Джоэл рассердился: если Майлз, так сказать, решил держать их в объективе кинокамеры, то он снимает с себя все обязательства. Вслух он сказал:

— Чепуха.

В витринах магазинов уже сверкали рождественские елочки, и полная луна над бульваром казалась бутафорской, как и огромные фонари на перекрестках. На Беверли-Хиллз темная листва тускло поблескивала, будто эвкалипты под солнцем, но Джоэл видел лишь отсвет бело-

го лица совсем рядом и плавный изгиб плеча. Она вдруг отстранилась и посмотрела на него.

— У вас глаза вашей матери, — сказала она. — Когда-то у меня был целый альбом ее снимков.

— А у вас глаза — только ваши, других таких нет, — ответил он.

Когда они входили в дом, Джоэл почему-то оглянулся, будто ему почудилось, что Майлз притаился в кустах. На столике в передней лежала телеграмма. Стелла прочла ее вслух:

— «Чикаго. Буду завтра вечером. Думаю о тебе. Люблю. Майлз».

— Вот видите, — сказала она, бросая телеграмму обратно на столик, — он легко мог все это подстроить.

Она распорядилась, чтобы дворецкий принес напитки и сэндвичи, и поднялась наверх, а Джоэл прошелся по пустынным гостиным. Вот и рояль, возле которого он, опозоренный, стоял в позапрошлое воскресенье.

— Итак, развод, — сказал он громко, — молодая пара, а он после развода да в Африку…

Он вспомнил о другой телеграмме:

«Вы были одним из самых приятных наших гостей…»

А что, если телеграмма Стеллы — обычный

жест вежливости, вдруг подумал он. Скорее всего, ее надоумил Майлз, ведь это он пригласил его. Может быть, Майлз сказал: «Пошли ему телеграмму — у него сейчас скверно на душе, ему кажется, что он сделал из себя посмешище».

Похоже на то… «Стелла полностью находится под моим влиянием, и все, кто нравится мне, нравятся и ей тоже, в особенности мужчины». Женщина послала бы телеграмму из сострадания, мужчина счел это своим долгом.

Стелла вошла в гостиную, и он взял ее за руки.

— У меня странное чувство, мне все кажется, что я просто пешка, которой вы сделали ход против Майлза, — сказал он.

— Налейте себе чего-нибудь.

— А самое странное, что я все равно влюблен в вас.

Зазвонил телефон, она отняла руку и взяла трубку.

— Еще одна телеграмма от Майлза, — объявила она. — Он отправил ее — во всяком случае, так там сказано — с самолета, из Канзас-Сити.

— И наверное, просит передать поклон мне?

— Нет, он только пишет, что любит меня. И я верю, что любит. Он такой слабый.

— Сядьте рядом со мной, — попросил Джоэл.

Время было не позднее. И полчаса спустя, когда Джоэл встал и подошел к холодному камину, до полуночи оставалось еще несколько минут.

— Значит, я вам совсем не интересен?

— Почему же? Вы мне очень нравитесь, и вы это знаете. Но только, кажется, я действительно люблю Майлза.

— Вне всякого сомнения.

— И я почему-то очень нервничаю сегодня.

Он не сердился — скорее, почувствовал облегчение; случись иначе, все слишком бы осложнилось. Но, глядя на нее, на ее теплое нежное тело, растапливающее холодную голубизну платья, он понял, что будет сожалеть о ней всю свою жизнь.

— Мне пора, — сказал он. — Я позвоню и закажу такси.

— Зачем же? У нас есть ночной шофер.

Он поежился — уж очень легко она его отпускает, — и, заметив это, она поцеловала его легким поцелуем и сказала:

— Вы милый, Джоэл.

Он залпом осушил бокал, и тут же громко, на весь дом, зазвонил телефон и торжественно забили часы в холле:

Девять… десять… одиннадцать… двенадцать…

V

И снова настало воскресенье. Джоэл подумал, что пошел вечером в театр, еще не сбросив с себя гнета будней, и Стеллы домогался так настойчиво, будто спешил до конца дня покончить и с этим делом. Но теперь наступило воскресенье — впереди двадцать четыре упоительных праздных часа, каждая минута манит тайным обещанием, в каждом мгновении таятся бессчетные возможности. И нет ничего недостижимого, все только начинается. Он налил себе еще один бокал.

Стелла вскрикнула и бессильно опустилась на пол возле телефона. Джоэл подхватил ее и перенес на диван. Он смочил носовой платок содовой водой и приложил ей к лицу. Из телефонной трубки доносилось какое-то бормотание, и он взял ее.

— …самолет упал сразу после вылета из Канзас-Сити. Тело Майлза Кэлмена опознано и…

Он повесил трубку. Стелла открыла глаза.

— Не поднимайтесь, — сказал он, стараясь протянуть время.

— О господи, что случилось? — прошептала она. — Позвоните им! Господи, что случилось?

— Сейчас я позвоню. Кто ваш доктор?

— Они сказали — Майлз погиб?!

— Лежите тихо… Кто-нибудь из слуг еще не спит?

— Обнимите меня, я боюсь!

Он обнял ее за плечи.

— Скажите мне фамилию вашего доктора, — твердо повторил он. — Может быть, это ошибка, но надо, чтобы кто-то был здесь.

— Мой доктор… О боже, неужели Майлз погиб?!

Джоэл кинулся наверх и стал рыться в незнакомых аптечках в поисках нашатырного спирта. Когда он вернулся, Стелла рыдала.

— Нет-нет, он жив! Я знаю, он жив! Он это все придумал. Он нарочно мучит меня. Он жив, я знаю. Я чувствую, что он жив.

— Кому из ваших близких друзей позвонить, Стелла? Вам нельзя оставаться одной.

— Нет! Нет! Я не хочу никого видеть. Останьтесь вы со мной. У меня нет друзей. — Она встала, слезы заливали ее лицо. — Майлз — мой единственный друг. Он не умер, он не может умереть! Я поеду туда, я должна сама все увидеть. Узнайте,

когда поезд. И вы поедете со мной.

— Но сейчас ночь, ничего нельзя сделать. Скажите мне, кому из ваших подруг я могу позвонить: Лоис? Джоун? Кармеле? Кому?

Стелла подняла на него невидящие глаза.

— Моей лучшей подругой была Ева Гобел, — сказала она.

Джоэл вспомнил, как они с Майлзом говорили на студии два дня назад, увидел перед собой его отчаянное, печальное лицо. В страшном безмолвии смерти все встало на свои места. Он был единственным режиссером-американцем, соединившим в себе совесть художника с незаурядным характером. Зажатый в тисках киномашины, он расплачивался своим душевным здоровьем за то, что не шел на компромиссы, не сумел выработать в себе трезвый цинизм, не смог найти себе убежище, а если оно у него и было, то жалкое и ненадежное.

У парадной двери что-то стукнуло, потом она отворилась. В холле послышались шаги.

— Майлз! — пронзительно крикнула Стелла. — Это ты, Майлз? Это Майлз, Майлз!

На пороге появился рассыльный с телеграфа.

— Я не нашел звонка. Но вы тут разговаривали.

Телеграмма точно повторяла то, что передали по телефону. Стелла перечитывала ее снова и снова, будто хотела убедиться, что это какая-то страшная чушь, а Джоэл тем временем звонил по телефону. Все еще где-то веселились, и никого не было дома, но в конце концов он разыскал каких-то знакомых, потом заставил Стеллу выпить крепкого виски.

— Вы должны остаться, Джоэл, — шепнула она, словно в полусне. — Не уходите. Майлзу вы так нравились… он говорил, что вы… — Она содрогнулась всем телом. — Боже мой, если бы вы только знали, как мне одиноко! — Глаза ее закрылись. — Обнимите меня, Джоэл. У Майлза был такой же костюм. — Она резко выпрямилась. — Как подумаю, какой ужас он должен был испытать! Он так всего боялся.

Она помотала головой, потом вдруг сжала лицо Джоэла в ладонях и притянула к себе.

— Нет-нет, ты не уйдешь! Я ведь нравлюсь тебе — ты любишь меня… Любишь? Не звони никому. Завтра еще будет время. А сейчас останься, не уходи от меня!

Он смотрел на нее, не веря своим ушам, а потом вдруг все понял и ужаснулся. Быть может, сама того не сознавая, Стелла тщилась вернуть Майл-

за к жизни, сохраняя ту ситуацию, в которой он был главным действующим лицом, — ей словно казалось, что сознание его не угаснет, пока не исчезнет причина его тревоги. Это была безумная, мучительная попытка отсрочить ту минуту, когда придется смириться с реальностью его смерти.

Джоэл решительно взял трубку и позвонил доктору.

— Не надо, не надо, не звони никому! — закричала Стелла. — Иди ко мне, обними меня!

— Доктор Бейлз дома?

— Джоэл! — рыдала Стелла. — Я думала, что могу положиться на тебя. Ты так нравился Майлзу. Он ревновал меня к тебе… Джоэл, иди же ко мне!

…Значит, если он предаст Майлза, ей удастся сохранить иллюзию, что он жив… но ведь он погиб, его уже невозможно предать!

— …страшное потрясение. Только что. Не могли бы вы приехать сейчас же и привезти сиделку?

— Джоэл!

Теперь дверной звонок и телефон звонили беспрерывно, а к парадному уже подъезжали автомобили.

— Но ты не уйдешь! — молила Стелла. — Ведь

ты останешься, скажи, что останешься!

— Нет, я не останусь, — ответил он. — Но я вернусь, если буду нужен.

На ступеньках крыльца Джоэл остановился. Дом теперь гудел и пульсировал жизнью, которая всегда трепещет вокруг смерти, как защитная завеса листвы, и в горле у Джоэла забилось глухое рыдание.

«Он был волшебником. Он сотворял чудо, к чему бы ни прикоснулся, — подумал он. — Он преобразил даже эту маленькую статисточку и сделал из нее подлинное произведение искусства».

Потом:

«Как будет не хватать его в этой пустыне… Уже не хватает!»

И потом, не без горечи:

«Я-то вернусь… я вернусь».